

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-449-456

УДК 821.161.1

МОТИВ ПУСТОТЫ В РОМАНЕ В.О. ПЕЛЕВИНА «ЧАПАЕВ И ПУСТОТА»

А.Б. Сейдашова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Задачей данной статьи является раскрытие мотива пустоты в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота». Рассматривается философская основа понятия пустоты в художественной картине мира романа, истоки которой восходят к восточным и западным культурам. Понятие «пустота» в творчестве В. Пелевина рассматривается как попытка обрести новые идеологические установки в условиях духовно-мировоззренческого кризиса. Анализируются не только главные образы романа «Чапаев и Пустота», но и второстепенные сюжетные линии, имеющие немало важное значение для понимания мотив пустоты в романе.

Ключевые слова: В. Пелевин, «Чапаев и Пустота», философия, мотив, пустота, роман, буддизм, постмодернизм, реальность

В каждой культуре существует свое представление пустоты, которое воплощается во всех сферах жизни, в религии и философии, в понимании смерти. Отношение к пустоте, которая существует, прежде всего, в представлении, значимо для понимания той или иной культуры, формирования картины мира, концептуальной сферы и ментальности.

В философии пустота рассматривается как онтологическая и гносеологическая категория. В современной философии существует целый ряд толкований понятия «пустота», которые восходят к античности, к средневековой философии и к философии Нового времени. В античной философии понятие пустоты присутствует у Платона, Аристотеля, еще более подробно оно рассматривалось Демокритом, который заметил, что «существуют только атомы и пустота». В контексте данной статьи для нас наибольший интерес представляет концепция М. Хайдеггера. Если античные философы в объяснении неизвестного шли от известного, то М. Хайдеггер за исходную точку, напротив, взял неизвестное — Ничто. Перед лицом Ничто человек может оказаться, переживая ужас, не осознавая до конца перед чем он находится, поскольку страх человек испытывает перед чем-то конкретным. Разница заключается в состояниях, в которые погружается человек. Переживая страх, человек стремится к спасению, избавлению от чего-то определенного: в результате утрачивается ощущение всего остального. Перед лицом ужаса человек впадает «в какой-то оцепенелый покой». По замечанию М. Хайдеггера, неопределенность «...есть не просто недостаток определенности, а принципиальная невозможность что-либо определить... Ужасом приоткрывается Ничто» [2. С. 21].

В. Пелевин не философ, но его художественные поиски вписываются в контекст современной культуры, для которой понятие пустоты как отсутствующей основы чрезвычайно актуально. В терминах эпохи постмодернизма культура представляется хаотичной структурой с отсутствующим центром, формой, лишенной содержания в привычном значении. Это культура, оболочка которая скрывает пустоту. Ощущение пустоты порождает напряженное ожидание, стремление каким-то образом наполнить пустоту, отсутствие сущности. Впервые подобное ощущение рождается у структуралистов. При деконструкции текста появляется ощущение его опустошенности: текст, предполагая свободное пространство для мышления, сам по себе не имеет никакого смысла. Умберто Эко принадлежит хорошо известный список, состоящий из нескольких пунктов, который увенчан настоящим афоризмом: «Подлинный читатель — это тот, кто осознает, что единственная тайна текста — это пустота» [13].

Первые же произведения В. Пелевина принесли писателю популярность и вызвали множество критических отзывов. Литературоведы обратили внимание и на мотив пустоты в творчестве В. Пелевина. Некоторые аспекты пустоты рассмотрены в статьях С. Корнева [5], В. Курицына [6], И. Роднянской [9], С. Сергеева [10], М. Зориной [4] и др.

Очевидно, что мотив пустоты в творчестве В. Пелевина многозначен. С одной стороны, он связан с постмодернизмом, с другой, — с философией дзен-буддизма, современным гностицизмом и элементами других философских концепций. Мотив пустоты привлек к себе особый интерес, поскольку он есть один из символов переломной исторической эпохи. Разрушение иерархии привычных ценностей, а, по сути, девальвация самих жизненных ценностей, которые пришли в противоречие с основными категориями новой социально-политической ситуации, приводят к формированию пустоты в сознании человека. Исчезновение идеалов человек стремится заполнить новыми мировоззренческими установками. Неслучайно пространственно-временной аспект представлен в романе в двух кризисных периодах российской истории — гражданской войне и перестройке. Именно широкое использование мотива пустоты, по мнению О. Богдановой, позволяет В. Пелевину свободно оперировать своими героями во времени и пространстве [1]. Однако формальный структурно-конструктивный аспект неразрывно связан с идейной составляющей мотива пустоты, его ролью в воплощении авторского замысла и особенностями постмодернизма в творчестве писателя.

В критике неоднократно отмечено, что творчество В. Пелевина не вполне укладывается в рамки постмодернизма. В. Пелевин создает модель, которая насколько близка к постмодернизму, настолько же удаляется от него. Его постмодернизм вырастает из перекодировки банального, ординарного и оригинального, «своего» и «чужого», он балансирует на грани элитарной и массовой культуры. Можно принять термин, который предлагает С. Корнев, называя его «русским классическим пострефлексивным постмодернизмом» [5].

С одной стороны, в поэтике Пелевина присутствуют такие традиционно постмодернистские категории как игра, деконструкция, интертекстуальность, пародирование, создание на обломках традиционных жанров неких метажанровых форм, характеризующихся дискретностью и коллажностью. И в то же время,

С. Корнев называет его «классическим писателем-идеологом» и не простым, а «беспросветным, который каждой своей строчкой настойчиво и откровенно вдалбливает в читательскую голову одну и ту же морально-метафизическую теорию [5].

Для идеологических поисков В. Пелевина характерно обращение к различным философским концепциям Запада и Востока, в первую очередь к дзен-буддизму. Поэтому для раскрытия мотива пустоты в романе «Чапаев и Пустота» следует проследить его истоки в различных философских учениях, элементы которых широко используются Пелевиным, что является его характерной стилиевой приметой. Без них художественная интерпретация пустоты лишается достаточных оснований. В. Пелевин сосредоточился в основном на восточных учениях. Об этом писали многие исследователи творчества автора, такие как С. Гурин [2], К. Фрумкин [11], А. Зокуренко [3]. Парадоксальным образом положения буддизма, даосизма и китайской философии во многом совпали с концептуальными основами постмодернизма, каким он предстает в творчестве В. Пелевина.

В буддизме существуют разные направления, и некоторые из них содержат в своей концепции мира понятие пустоты схожее с тем пространственным представлением, которое находим у Пелевина. Первым является состояние шунья (пустота), описывающая состояние психологического ощущения пустоты, «бытие — небытие», «реальность — нереальность», «субъект — объект» и т.п., что служит главным признаком наступления состояния освобождения или нирваны. В «Религиозном словаре» отмечено, что при свойственной буддизму неразличимости психологического и онтологического шунья может означать и саму пустоту, бессущность, отсутствие неизменного постоянного начала [8]. Учение школы мадхьямика, близкое солипсизму, важно для понимания мира, который предстает в романе В. Пелевина. Приверженцы данной ветви буддизма проповедуют, что поток перехода дхарм в конечном счете нереален, хотя сознание, которое его воспринимает, само есть часть этого потока. Сансара и нирвана также оказываются нереальными и уничтожаются в состоянии небытия — Ничто или Пустоты. Таким образом, любое существо, в том числе и человек, понимается в буддизме не как неизменная сущность (будь то атаман или душа), а как поток постоянно меняющихся элементарных психофизических состояний.

В рассматриваемом романе философские рассуждения Чапаева, который играет роль наставника, гуру, каждый раз приводят к заключению, что весь окружающий мир существует только в нашем сознании, в действительности же отсутствует не только окружающий мир, но и самосознание: иллюзорны абсолютно все категории. Пустота является единственной сутью вещей, и глиняный мизинец Будды, который проявляет «истинную природу» всего сущего, указывая на окружающее пространство, заставляет все исчезать. Герои романа продолжают буддийское учение о невыразимости истины, согласно которому любая попытка словесного описания истины будет ложью, поскольку слова носят отпечаток засоренного сознания. «Нет, это действительно нелепо — ведь даже в те редкие моменты, когда я, может быть, находил это главное, я ясно чувствовал, что никак невозможно его выразить, никак» [7. С. 169]. Петр, который еще до близкого знакомства с Чапаевым задумывается о наполнении сознания ненужной инфор-

мацией, заключает, что ближе всего к истине оказываются дети, чье сознание еще не заполнено излишними и ложными знаниями, они еще сохраняют память о «великом источнике всего существующего». Подлинной, таким образом, является природа, не запятнанная следами цивилизации, человеческой культуры. Мотив пустоты вплетен здесь в метафору, выражающую принцип постепенного отстранения человека от истины.

Мотив пустоты также связан со второй сюжетной линией романа, где представлены перестроечная Москва и ее обитатели. Здесь образы и мотивы пустоты ярко представлены в эпизоде собеседования Сердюка в японской фирме. Пелевин стремится обнаружить точки соприкосновения двух разных миров: российской действительности и японской философии. Представитель «Тайра инкорпорейтед» Есицунэ Кавабата во время собеседования показывает Сердюку кусок пыльного сероватого картона. Это оказывается русская концептуальная икона начала XX века, созданная по трафарету Давидом Бурлюком. В ней видится образ пустоты, позволяющий выстроить в романе целую концепцию. От трафарета, по которому написано слово «Бог», на картоне остались полоски пустоты — их можно было бы закрасить, однако, по мнению Кавабаты, это имеет принципиальное значение: «Человек начинает глядеть на это слово, от видимости смысла переходит к видимой форме и вдруг замечает пустоты, которые не заполнены ничем, — и там-то, в этом нигде, единственно и можно встретить то, на что тшятся указать эти огромные уродливые буквы, потому что слово «Бог» указывает на то, на что указать нельзя» [7. С. 213]. Аналогичную трактовку получает японская гравюра, висящая на стене: «Видите, как она построена? Сегмент реальности, где помещаются «он» и «гири», расположен в самом центре, а вокруг него — пустота, из которой он возникает и в которую он уходит. Мы в Японии не беспокоим Вселенную ненужными мыслями по поводу причины ее возникновения. Мы не обременяем Бога понятием «Бог». Но, несмотря на это, пустота на гравюре — та же самая, которую вы видите на иконе Бурлюка [7. С. 213—214]. Значимость совпадений и ценность обеих картин состоит именно в пустоте, воплощающей некую истину. Пустота картин столь же невыразимо неопределенна, сколь очевидна ее метафизическая сущность, которая, по Кавабате, отсутствует в западной религиозной живописи, заполненной материальными объектами (упоминаются портьеры, складки, тазики с кровью). Именно в возможности духовного сближения видится основа для алхимического брака между Россией и Востоком.

В. Пелевин остается верен себе. Здесь же происходит резкое снижение тональности разговора, и философское рассуждение о пустоте переходит в сентенцию о пустой, только что выпитой бутылке сакэ, что нарушило баланс между ценностью и отсутствием ценности. А еще до начала собеседования, выпивая и закусывая, разглядывая на жирном газетном листе нехитрую закуску (кольцо лука, хлебную корку и каплю кетчупа), «Сердюк с удовлетворением отметил, что разные пласты реальности уже начали смешиваться... [7. С. 198]. И далее в данный контекст изящно вписывается эпизод сложения стихов о том, что «вы видите вокруг». Сердюк отказывается от выполнения задания, декларируя неумение писать стихи и нелюбовь к ним, однако его замечание о словах, которые ни к чему, «когда на небе звезды», переходят в другую систему координат и текст — декларируемая

пустота — приобретает осмысленное изысканно пародийное содержание. В гротескном столкновении несовместимых культур России, Запада и Востока Пелевин ищет ментальную самобытность России, рассматривает универсалии русской национальной культуры. В конечном счете можно говорить о «русском мире» как локальной цивилизации, самодостаточной и суверенной. Не будем при этом забывать, что и западный и восточный мир даются не сами по себе, а в восприятии русского человека.

В сюжетной линии Марии рассматривается вариант алхимического брака с западом, воплощенном в виде железного Арнольда Шварценеггера. Его действия непонятны для Марии, да и сам он больше напоминает манекен, чем живого человека. В «розовой пустоте ее души» она старается как-то заинтересовать Шварценеггера, но тот ей не отвечает взаимностью, а, наоборот, делает Марии больно. Брак с Западом невозможен, поскольку материальное (Запад) и духовное (Россия) не совпадают. Концепт «пустота» в западной культуре в основном имеет негативную трактовку, которая во многом сформировалась под влиянием христианской религии. Пустота ассоциируется со словами «равнодушие», «холодное безразличие», «пустой человек»; ругательный смысл имеют слова «ничтожество» и «ничтожность».

Сюжетная линия Петра Пустоты в перестроечной Москве и сумасшедшем доме реализуется в истории его душевного заболевания, где фиксируется отсутствие жалоб на психические отклонения в раннем детстве. Однако около 14 лет у подростка «отмечается замкнутость и раздражительность, не связанная с внешними причинами. По выражению родителей, «отошел от семьи», находится в состоянии эмоционального отчуждения. Перестал встречаться с товарищами — что объясняет тем, что они дразнят его фамилией «Пустота». То же, по его словам, прodelывала и учительница географии, неоднократно называвшая его пустым человеком. Существенно снизилась успеваемость. Наряду с этим начал усиленно читать философскую литературу: сочинения Юма, Беркли, Хайдеггера — все, где тем или иным образом рассматриваются философские аспекты пустоты и небытия. В результате начал «метафизически» оценивать самые простые события, заявлял, что выше сверстников в «отваге жизненного подвига». Стал часто пропускать уроки, после чего близкие вынуждены были обратиться к врачу [7. С. 134—135]. Таким образом, диагноз складывается из нескольких составляющих: «эмоциональное отчуждение», увлечение Юмом, Беркли, Хайдеггером, склонность к метафизике и «жизненному подвигу». В результате герой балансирует между двумя реальностями, и обе оказываются иллюзорными. Неопределенность мира, ощущение пустоты как внутренней сущности ведет к тому, что пустота может быть заполнена любым значением. Возникающий плюрализм точек зрения на мир логично ведет к иллюзорности любой из них, и ничем не отличается от шизофренического раздвоения личности Петра Пустоты.

В восточной эзотерической культуре понимание пустоты имеет положительно-нейтральное значение. Пустота — одно из основных понятий буддизма. Древнейший комментатор проповедей Будды, Нагарджуна, истолковывая знаменитую «Алмазную сутру» в «Муламадхьямикашастре», приводит 18 способов описания пустоты — шуньяты, подробно разьясняя 16 из них. Семантически описание шу-

няты не представляется возможным, поскольку отсутствуют любые знаки истинной реальности. Единственной реальностью является Абсолют, Будда, доступный лишь высшей мудрости. Поэтому логически и синонимически «пустота» и «истинная данность» очень близки. В европейской традиции шуньята в буквальном значении этого слова трактуется как пустота, но описание ни одной из категорий не покрывает подлинных значений, содержащихся в оригинальном термине.

Пустота тотальна — она пронизывает все вещи и является их частью. Говоря о пустоте, обычно представляют пустое пространство без материи. Однако в другом, более абсолютном смысле, под пустотой можно понимать отсутствие не только материальных объектов, но и самого пространства. Петр Пустота блуждает в пространстве и в лабиринте своего сознания. Единственным выходом из лабиринта двойственной реальности и станет для главного героя именно Ничто.

В конце романа автор описывает «истинный» мир вокруг героев, обнаженный мистическим артефактом — мизинцем Будды, по преданию открывающим «истинную» суть окружающего. Это «было подобием светящегося всеми цветами радуги потока, неизмеримо широкой реки, начинавшейся где-то в бесконечности и уходящей в такую же бесконечность» [7. С. 382]. Критики, сочувственно цитирующие данный текст, как будто не обращают внимания на то, что в следующее мгновение сновидение окончится, и герой очнется в сумасшедшем доме, пристегнутый ремнями к креслу. Выход из лабиринта у В. Пелевина, как всегда, оказывается ложным. Героя просто «вытаскивают» из раздвоенного сознания в реальный мир, где его ждет в виде награды долгий влажный поцелуй лечащего врача и слова: «Полный катарсис» [7. С. 384]. Выздоровление героя означает исчерпанность его психической энергии, т.е. отсутствие наполненности и, следовательно, в метафизическом плане это представляется как невозможность осуществления чего-либо. Однако доктор не напрасно сомневался в успехе лечения. В последней главе Петр Пустота снова возвращается к своему гуру Чапаеву и направляется в милую его сердцу Внутреннюю Монголию. Круг замкнулся. Герой в очередной раз оттолкнулся от пустоты, начал все заново, пытаясь сохранить прошлый опыт.

Таким образом, образ пустоты как путь из бесконечности в бесконечность, из Ничто в Никуда в романе является и отправной точкой, и конечным пунктом пути. Гражданская война и перестройка, две эпохи, изображенные В. Пелевиным, осознаются как кризисные, переломные моменты истории, которые должны быть преодолены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Богданова О., Кибальник С., Сафронова Л.* Литературные стратегии Виктора Пелевина. СПб.: Петрополис, 2008. 184 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://fantlab.ru/edition75094> (дата обращения: 12.06.2017).
- [2] *Гурин С.* Пелевин между буддизмом и христианством. [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html> (дата обращения: 12.06.2017).
- [3] *Закурченко А.* Структура и истоки романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота», или роман как модель постмодернистского текста. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topos.ru/article/4032?page=2> (дата обращения: 12.06.2017).

- [4] Зорина М. Мотив пустоты в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» // Родное и вселенское: XI Международная научная конференция. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2015. С. 216—221.
- [5] Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? (Об одной аванюре Виктора Пелевина) // НЛО. 1997. № 28. С. 244—259.
- [6] Курицын В. Великие мифы и скромные деконструкции // Октябрь. 1996. № 8. С. 171—187.
- [7] Пелевин В. Чапаев и Пустота. М.: Вагриус, 2004. 414 с.
- [8] Религиозный словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/religion/SHunja-881.html> (дата обращения: 12.06.2017).
- [9] Роднянская И. ...И к ней безумная любовь... // Новый мир. 1996. № 9. С. 212—216.
- [10] Сергеев С. Чапаев и простота (роман в 2-х частях с итогом и эпилогом) // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 260—268.
- [11] Фрумкин К. От буддизма к капитализму. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pereplet.ru/text/frumkin05jul09.html> (дата обращения: 12.06.2017).
- [12] Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
- [13] Eco U. Interpretation and Overinterpretation: World, History, Texts. Cambridge University. 1990. [Электронный ресурс]. URL: http://tannerlectures.utah.edu/_documents/a-to-z/e/Eco_91.pdf (дата обращения: 12.06.2017).

© Сейдашова А.Б., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 3 мая 2017

Дата принятия к печати: 24 мая 2017

Для цитирования:

Сейдашова А.Б. Мотив пустоты в романе В.О. Пелевина «Чапаев и пустота» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 3. С. 449—456. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-449-456

Сведения об авторе:

Сейдашова Амина Бауржановна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов. Контактная информация: e-mail: aisulu_kim@mail.ru

MOTIV EMPTINESS IN NOVEL V.O. PELEVIN'S NOVEL "CHAPAYEV AND PUSTOTA"

A.B. Seydashova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The task of this article is to reveal the motive of emptiness in V. Pelevin's novel "Chapaev and Void". We consider the philosophical basis of the concept of emptiness in the artistic picture of the novel's world, the origins of which date back to eastern and western cultures. The concept of "emptiness" in the work of V. Pelevin is seen as an attempt to gain new ideological attitudes in the conditions of a spiritual and philosophical crisis. Not only the main images of the novel Chapaev and Pustota are analyzed, but also minor story lines that are of no small importance for understanding the image of emptiness in the novel.

Key words: V. Pelevin, "Chapaev and Pustota", philosophy, emptiness, novel, Buddhism, postmodernism, reality

REFERENCES

- [1] Bogdanova O., Kibalnik S., Safronova L. Literaturnie strategii Victora Pelevina [Literary strategies of Victor Pelevin]. SPb.: Petropolis, 2008. 184 p. Access mode: <https://fantlab.ru/edition75094> (Date of access: 12.06.2017).
- [2] Gurin S. Pelevin mejdu buddizmom i hristianstvom [Pelevin Between Buddhism and Christianity]. Access mode: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html> (Date of access: 12.06.2017).
- [3] Zakurenko A. Struktura i istoki romana V. Pelevina Chapaev i Pustota, ili roman kak model postmodernicheskogo teksta [The structure and origins of V. Pelevin's novel Chapaev and Pustota, or novel as a model of the postmodern text]. Access mode: <http://www.topos.ru/article/4032?page=2> (Date of access: 12.06.2017).
- [4] Zorina M. Motiv pustoti v romane V. Pelevina Chapaev i Pustota [The motif of emptiness in V. Pelevin's novel «Chapaev and Void»]. Native and universal: XI International scientific conference. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, 2015. P. 216—221.
- [5] Kornev S. Stolknovenie pustot: mojet li postmodernizm bit russkim i klassicheskim? (Ob odnoi avantюре Viktora Pelevina) [Collision of voids: can postmodernism be Russian and classical? (On one adventure of Victor Pelevin)]. UFO. 1997. № 28. S. 244—259.
- [6] Kuritsyn V. Velikie mifi i skromnie deonstrucii [Great myths and modest deconstructions]. October. 1996. № 8. P. 171—187.
- [7] Pelevin V. Chapaev i Pustota [Chapaev and Pustota]. M.: Vagrius, 2004. 414 p.
- [8] Religious Dictionary. Access mode: <http://enc-dic.com/religion/SHunja-881.html> (Date of access: 12.06.2017).
- [9] Rodnyanskaya I. ...I k nei bezumnaya lyubov... [...And to her insane love...]. New World. 1996. № 9. P. 212—216.
- [10] Sergeev S. Chapaev i prostota (roman v 2-h chastyah s itogom i epilogom) [Chapaev and Simplicity (a novel in two parts with a result and an epilogue)]. Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. № 28. P. 260—268.
- [11] Frumkin K. Ot buddizma k kapitalizmu [From Buddhism to Capitalism]. Access mode: <http://www.pereplet.ru/text/frumkin05jul09.html> (Date of access: 12.06.2017).
- [12] Heidegger M. Vremya i bitie: Stati i vistupleniya [Time and Being: Articles and speeches]. M.: Republic, 1993. 447 p.
- [13] Eco U. Interpretation and Overtinterpretation: World, History, Texts. Cambridge Univerairy. 1990. Access mode: http://tannerlectures.utah.edu/_documents/a-to-z/e/Eco_91.pdf (Date of access: 12.06.2017).

Article history:

Received: 3 May 2017

Revised: 24 May 2017

Accepted: 24 May

For citation:

Seydashova A.V. (2017) Motive of emptiness in V.O. Pelevin's novel "Chapaev and Pustota". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (3), 449—456. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-449-456

Bio Note:

Seydashova Amina Baurshanovna, Phd student, Department of Russian and Foreign literature, Philological faculty, Peoples' Friendship University of Russia. *Contacts*: e-mail: aisulu_kim@mail.ru